

Судебно-психиатрическая экспертиза лиц, совершивших правонарушения в состоянии острой интоксикации (опьянения) психоактивными веществами

ДМИТРИЕВА Т.Б.	д.м.н., профессор, академик РАМН, директор Государственного научного центра (ГНЦ) социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва;
ИГОНИН А.Л.	д.м.н., профессор, рук. Отдела судебно-психиатрических проблем наркоманий и алкоголизма ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва;
КЛИМЕНКО Т.В.	д.м.н., профессор, рук. Отделения судебно-психиатрических экспертиз при наркоманиях и алкоголизме ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва;
ПИЩИКОВА Л.Е.	к.м.н., с.н.с. Отделения амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва;
КУЛАГИНА Н.Е.	к.м.н., с.н.с. Отделения терапии больных наркоманиями и алкоголизма ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва.

В настоящем сообщении речь идет о проводящейся в рамках уголовного процесса судебно-психиатрической экспертизе лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами (ПАВ). Дается характеристика критериев экспертной оценки различных непсихотических расстройств, возникающих в структуре острой интоксикации (опьянения) ПАВ. Экспертная оценка психотических состояний, которые возникают в структуре острой интоксикации ПАВ, будет затронута в одной из последующих публикаций.

При судебно-психиатрическом освидетельствовании лиц с психическими расстройствами Уголовный кодекс РФ предусматривает два основных решения, которые вытекают из категории вменяемости и невменяемости. Формула невменяемости определена в ст. 21 УК РФ и характеризуется двумя критериями: медицинским (биологическим) и психологическим (юридическим). Биологический критерий формулы невменяемости является с юридической точки зрения нейтральным. Он охватывает все варианты психической патологии, в том числе и те, которые могут наблюдаться при состояниях, не исключающих вменяемости. В то же время наличие этого критерия в формуле невменяемости является обязательным, поскольку с правовой точки зрения невменяемость есть невозможность лица во время совершения противоправного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и (или) руководить ими именно вследствие психического расстройства.

Основная смысловая нагрузка формулы невменяемости заключена в психологическом критерии, отсутствие которого даже при констатации биологического критерия исключает возможность решения вопроса в сторону невменяемости.

Психологический критерий формулы невменяемости в общих психологических понятиях — невозможность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и (или) руководить ими — выражает ту степень болезненных нарушений психики, при которой исключается возможность вменения в вину совершенного противоправного деяния. При вынесении экспертного заключения в сторону вменяемости подразумевается способность лица к правильному пониманию значения своих действий и возможность свободного выбора своих поступков, а также наличие способности к пониманию противоправности своих поступков и наказуемости за содеянное, способности сопоставлять

совершаемые деяния с правовыми и морально-этическими нормами.

Все эти психические функции реализуются посредством критических способностей, способности прогнозирования, связанных с ними уровня интеллекта и памяти, запаса знаний, функции мышления.

Принципиальным является и тот факт, что психологический критерий касается психического состояния лица в целом и ни в коей мере отдельных его психических функций. Заклучая в себе обобщенную характеристику психической деятельности, этот критерий не может определяться каким-то отдельным клиническим признаком.

Судебно-психиатрическая оценка лиц, злоупотребляющих ПАВ, также основывается на общих клинических принципах и экспертных подходах и включает в себя сопоставление особенностей психического состояния экспертных с медицинским и юридическим критерием невменяемости. Экспертное заключение в этих случаях определяется степенью выраженности клинических составляющих наркологического заболевания и особенностями его течения. При этом имеющиеся психопатологические расстройства должны быть соотнесены с категориями “хронического психического расстройства”, “временного психического расстройства” и “слабоумия”, являющимися вариантами медицинского критерия невменяемости.

В данном сообщении речь пойдет о непсихотических состояниях в структуре острой интоксикации ПАВ. Психотические расстройства будут рассмотрены в одной из следующих публикаций.

При судебно-психиатрической оценке состояний острой интоксикации ПАВ основным является вопрос, можно ли эти состояния считать болезненными и лишают ли они лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (без-

действия) и (или) руководить ими при совершении противоправного деяния. Дело в том, что с общепсихологической точки зрения состояние интоксикации ПАВ — это состояние нарушенного биопсихического равновесия (нормального жизненного гомеостаза), а стало быть — болезненное, т.е. имеются основания утверждать наличие медицинского критерия невменяемости.

При этих болезненных состояниях далеко не всегда сохраняется возможность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Еще на заре развития правовых отношений в римском и древнегерманском праве состояние опьянения считалось отягчающим вину обстоятельством. В средние века каноническое право также ставило состояние опьянения в вину совершившему правонарушение. Король Франции Франциск I, организуя борьбу с чрезмерным употреблением алкоголя, в 1536 г. издал ордонанс, по которому лицо в состоянии опьянения подвергалось различным видам наказания от палочной экзекуции до отрезания ушей при повторном появлении в общественном месте в состоянии опьянения. В Англии за аналогичный «проступок» полагалось наказание от денежного штрафа до помещения в тюрьму. Кроме этого, состояние опьянения не служило смягчающим вину обстоятельством и не освобождало от уголовного наказания.

Буржуазное право не было столь ортодоксально в отношении алкогольного опьянения как средневековое. Оно проявляло определенную двойственность в вопросе о наказании за деяние, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, за счет введения понятий *непреднамеренности* и *случайности опьянения*. Таким образом, в зависимости от обстоятельств возникновения состояния опьянения или osoby правонарушителя вопросы уголовного наказания могли решаться по-разному. Наиболее ярким примером этого является итальянское фашистское законодательство Муссолини.

Российское законодательство в отличие от буржуазного европейского в отношении пьяниц было достаточно суровым. Начиная с законодательства Петра I, вопрос о наказуемости правонарушителя, находившегося в состоянии опьянения, всегда ставился четко и однозначно. Статья 43 Петровского «Воинского устава» гласила: «Когда кто пьян напьется и в пьянстве своем злого решит, тогда тот не токмо чтобы в том извинение получил, но по вине вшаею жестокостью наказуем имеет быть». В статье 113 «Свода законов» 1834 г. сказано, что «всякий, совершивший деяние в состоянии опьянения, признается виновным». Царское правительство в 1912 г. издало закон, запрещающий злоупотребление алкогольными напитками и предусматривающий уголовную наказуемость пьяниц.

На первом съезде русских психиатров С.С. Корсаков сказал, что необходимо взыскивать за пьянство, ибо по отношению к опьяневшему попустительство приносит больший вред, чем строгость, основанная не на жестокости, а на разумном стремлении предотвратить зло, вызываемое алкоголизмом.

Советское законодательство также однозначно относилось к оценке лиц, совершивших правонарушение в состоянии опьянения алкоголем и наркотиками. Согласно ст. 12 УК РСФСР состояние алкогольного и наркотического опьянения не может служить основанием для освобождения от уголовной ответственности. Напротив, наличие одурманивания алкоголем и наркотиками во время

совершения правонарушения относится к отягчающим вину обстоятельствам (ст. 39 УК РСФСР). В существующей практике констатация алкогольного и наркотического опьянения в период совершения противоправного деяния (при имеющихся прочих критериях инкульпации) независимо от степени выраженности его симптомов исключает вменяемость, если только не отмечается признаков, позволяющих расценить состояние как качественно другое, именно достигающее психотического уровня.

Непсихотические формы наркотического опьянения по аналогии с простой формой алкогольного опьянения независимо от их тяжести и степени утраты лицом способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими никогда не рассматривались в аспекте критериев невменяемости.

Однако углубленное и системное изучение вопросов соотношения психопатологических нарушений, личностных и ситуационных условий, появление в УК РФ ст. 22 дает основания рассматривать указанную проблему с иных позиций.

Состояния алкогольного и тем более наркотического опьянения часто имеют достаточно сложную клиническую картину и проявляются многообразными аффективными, невротическими, психосенсорными и вазо-вегетативными нарушениями. Даже при непсихотических формах опьянения наряду с этим могут наблюдаться разнообразные нарушения мышления и расстройства восприятия от сенестопатий до иллюзорных переживаний. Сохранение аллопсихической и интрапсихической ориентировки в этих случаях, отсутствие бессвязности мышления свидетельствуют о сохранности сознания, а значит о неправомерности решения вопроса в сторону экскульпации этих лиц. В то же время нарушения мышления от изменения его темпа до утраты последовательности суждений, иллюзорные расстройства свидетельствуют о том, что эти лица не обладают полной способностью оценивать правоспособность своего поведения и руководствоваться этой оценкой. Это особенно наглядно проявляется при средней и тяжелой форме алкогольного опьянения, при многих формах наркотического и токсического опьянения, когда психическая деятельность индивидуума расстраивается настолько, что он теряет правильную ориентировку в окружающем и совершает нелепые, иногда импульсивные действия, в том числе и криминального характера.

В то же время общепризнанно, что не имеется достаточных оснований для признания лиц, совершивших правонарушение в состоянии наркотического, равно как и простого алкогольного опьянения, невменяемыми. Это связано с тем, что лица, находящиеся в состоянии опьянения психоактивными средствами, в какой-то мере, даже при тяжелой степени опьянения, сохраняют способность разобраться в ситуации, в их действиях можно установить связь с внешним раздражителем, здесь имеет место лишь количественное усиление эмоционально-волевых проявлений без развития качественно иных психотических расстройств (бред, галлюцинации, расстроенное сознание), наличие которых полностью лишало бы данное лицо возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

В то же время не подлежит сомнению тот факт, что у всякого лица, находящегося в состоянии опьянения психоактивными средствами, может в той или иной степени нарушаться способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими вследствие интоксикации ал-

коголем или наркотическим веществом, которое это состояние опьянения вызвало. При более легких формах опьянения возможны нарушения мышления от изменения его темпа до утраты последовательности суждений, иллюзорные расстройства, что также свидетельствуют о том, что эти лица не обладают полной способностью оценивать правохранность своего поведения и руководствоваться этой оценкой.

В результате интоксикации ПАВ в первую очередь страдают эмоционально-волевые процессы (волевой компонент юридического критерия невменяемости). Выраженность эмоционально-волевых нарушений вследствие интоксикации психоактивными средствами колеблется от их слабости и расторможенности у лиц, эпизодически употребляющих данное психоактивное средство и злоупотребляющих ими, до степени обсессивного и компульсивного вариантов патологического влечения к психоактивным средствам у больных алкоголизмом и наркоманией. В то же время известно, что реализация эмоционально-волевых нарушений в те или иные формы поведения в значительной мере зависит от воспитания, привычек, социальной ориентации морально-нравственных установок, представлений о социально-ограничительных нормах, интеллектуального уровня (интеллектуальный компонент юридического критерия невменяемости). Поэтому сами по себе эмоционально-волевые расстройства в этих случаях не являются достаточными для констатации юридического критерия невменяемости.

Сохранение аллопсихической и интрапсихической ориентировки в этих случаях также свидетельствует о сохранности сознания, а значит о неправомочности решения вопроса в сторону их экскульпации.

Все эти обстоятельства не позволяют отождествлять опьянение с психической болезнью и определяют различное отношение законодателя к общественно опасным деяниям, совершенным душевнобольными и пьяными. Именно поэтому в отечественной судебной психиатрии алкогольное и наркотическое опьянение, не сопровождающееся психотическими проявлениями, традиционно оставалось за рамками медицинского и юридического критерия невменяемости.

Ныне действующий УК РФ не включает опьянение в число медицинского критерия невменяемости и указывает, что лицо, совершившее преступление в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, подлежит уголовной ответственности (ст. 23 УК РФ).

Однако связанные с состоянием интоксикации ПАВ психические расстройства хотя и не достигают психотического уровня (здесь не имеются в виду психотические формы опьянения), при этом не могут не оказывать влияния на поведение этих лиц, что ставит их в промежуточное положение между ин- и экскульпацией, а значит, предполагает возможность применения в отношении них ст. 22 УК РФ. Согласно этой статье, вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу имеющегося у него психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (так называемая ограниченная вменяемость), подлежит уголовной ответственности, но психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания.

Термин *ограниченная вменяемость* выносится за рамки УК РФ и не упоминается ни в названии ст. 22 УК РФ, ни в ее тексте, однако сама формулировка статьи об уголов-

ной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, фактически легализует это понятие и позволяет использовать его в практике судебно-психиатрической экспертизы.

Несмотря на давнюю историю вопроса об ограниченной вменяемости, он практически не освещался в отечественной литературе, а если и обсуждался, то обычно в негативном плане [1]. В то же время еще Н.И. Фелинская [2] отмечала, что с ростом психиатрических знаний и более точной квалификацией особенностей и глубины расстройств психической деятельности необходима дальнейшая разработка вопросов, касающихся вменяемости и, в первую очередь, для группы лиц с пограничными нарушениями психической деятельности. Здесь имелось в виду, что вследствие тех или иных отклонений психической деятельности лицо, совершающее противоправное деяние, не обладает полной способностью оценивать противоправность своего поведения и руководствоваться этой оценкой.

К настоящему времени накоплен пока еще весьма небольшой опыт применения ст. 22 УК РФ. Ее введение нарушает дихотомическую четкость клинических и экспертных оценок психического состояния большинства испытуемых, в том числе и лиц с синдромом зависимости от ПАВ. Это создает значительные трудности для врачей судебно-психиатрической службы.

Еще В.Х. Кандинский отмечал, что гносеологически проблема ограниченной вменяемости связана с изучением роли субъективного фактора (активности сознания и личности) как ведущего в криминогенной причинно-следственной цепочке, что, в свою очередь, может отражать характер и степень имеющихся у субъекта расстройств. Еще до появления формулы невменяемости (1883 г.) в законодательстве к обстоятельствам, уменьшающим вину, относили легкомыслие и крайнее невежество. В.Х. Кандинский указывал, что ограниченно вменяемыми в ряде случаев могут признаваться лица, не обладающие сильной волей. Такое же мнение высказывают современные немецкие психиатры (K.Z. Taschner, K. Manke). Естественно, подобные формулировки не могли и тем более не могут удовлетворить ни юристов, ни психиатров. Однако они заслуживают определенного внимания.

Вопрос о возможности и правомерности применения ст. 22 УК РФ к лицам, находившимся при совершении противоправного деяния в состоянии острой интоксикации ПАВ, неизменно связан с изучением психопатологических состояний, которые возникают в очевидной и в причинно-следственной связи с активным поведением лица. Так, состояние опьянения, как правило, возникает вследствие произвольного приема ПАВ, причем произвольным являются не только сам факт приема, но и доза, которая в значительной мере и определяет поведение лица. Еще Гиппократ рассматривал пьяниц как лиц, добровольно вызывающих у себя безумие. В последующем юристы решали этот вопрос в сторону наказания пьяницы на том основании, что лицо, злоупотребляющее спиртными напитками, не является душевнобольным человеком и должно знать о возможных последствиях употребления спиртного. В.П. Осипов [3] по этому поводу писал, что «с медицинской стороны, алкоголь — яд, и всякий выпивший должен считаться отравленным, то есть вольным человеком, с другой стороны — пьяница сам привел себя в состояние опьянения. Вот почему законодательство, борясь с преступностью и стремясь с помо-

щью наказания предупредить преступления, не может признавать опьянение обстоятельством, исключающим ответственность". В связи с этим юристы всегда решали этот вопрос в сторону наказуемости пьяницы на том основании, что лицо, злоупотребляющее ПАВ, не является душевнобольным человеком и должно знать о возможных последствиях употребления спиртного или любого другого ПАВ.

Как известно, противоправные действия могут проявляться в двух формах: в виде умысла и в виде неосторожности. Преступление является умышленным, если лицо, его совершившее, осознавало общественный характер своих действий (или, наоборот, бездействия). Преступление квалифицируется как совершенное по неосторожности, если совершившее его лицо не предвидело возможные социально негативные последствия своих действий, не имело умысла на их достижение, но не смогло или не пыталось предотвратить. И в том и в другом случае, когда нарушена способность понимания общественной опасности своего действия или бездействия и его последствий, возможна постановка вопроса об экскульпации этих лиц. То есть важно, чтобы конкретное лицо осознавало не только формальную сторону своих действий, но и их общественный характер, необходимо, чтобы сохранялось понимание того значения, которое имеет данный поступок как преступление [4].

При судебно-психиатрической экспертизе лиц, совершивших противоправные деяния как в виде умысла, так и по неосторожности, важно установить не только, осознавало ли данное лицо формальную сторону своих действий (их "фактический характер"), но и их общественную опасность, сохранялось ли у лица понимание того значения, которое имеет данный поступок как преступление. Применительно к лицам в состоянии алкогольного или наркотического опьянения это означает, что лицо, сознательно приводящее себя в состояние одурманивания, одновременно понимает возможные общественно опасные последствия этого поступка. Именно поэтому лицо, совершившее преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, подлежит уголовной ответственности (ст. 23 УК РФ) и в отношении инкриминируемого ему деяния является вменяемым.

Поддерживая данную точку зрения, Н.В. Канторович [5] писал, что, "если бы закон стал на чисто медицинские позиции и оставил бы ненаказуемыми преступления, совершенные в состоянии опьянения, это было бы явно нецелесообразно и привело бы к увеличению преступности. Каждому известны возможные, в том числе и криминальные, последствия действия алкоголя и наркотических веществ, поэтому каждый может эти последствия предвидеть и не доводить себя до степени опьянения, ограничивающей возможность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить своими поступками" [6].

Действующее уголовное законодательство не останавливается на медицинских аспектах данного вопроса в плане, соответствует или не соответствует медицинскому критерию невменяемости состояние опьянения ПАВ. Оно просто указывает, что лицо в состоянии алкогольного или наркотического опьянения подлежит уголовной ответственности. Это означает, что констатация состояния опьянения у лица в период совершения им противоправного деяния не является основанием для экскульпации этого лица. Это связано с тем, что лицо, еще будучи трезвым и намеренно приведя себя в состояние опьянения, могло и должно предвидеть возможность совершения им общественно опасных действий и поэтому в слу-

чае совершения преступления должно нести уголовную ответственность.

Формулировка ст. 23 УК РФ находится в противоречии с традиционно используемым в практике судебно-психиатрической экспертизы и легализованным МКБ-10 диагнозом *патологическое опьянение*. Данная статья исключает из медицинского критерия невменяемости само состояние алкогольного и наркотического опьянения, не уточняя, что это не касается его психотических форм. Об этом сказано в комментариях к УК РФ, но комментарий к закону законом не является. Следовательно, диагностическая формула в виде *психотической формы опьянения* или *патологического опьянения* может использоваться в общемедицинской практике, но противоречит экспертному заключению о невменяемости в судебно-психиатрической практике. В этих случаях более уместной и адекватной УК РФ оказывается диагностическая формула в виде психопатологической синдромальной квалификации психического состояния (например, сумеречное помрачение сознания, острый делирий, острый галлюциноз).

Статья 22 УК РФ не исключает уголовной ответственности лица, однако она позволяет суду учитывать тот факт, что субъект преступления при его совершении не мог в силу имеющихся у него психических нарушений в полной мере отдавать себе отчет о своих действиях и руководить ими. При этом Уголовный кодекс не указывает, каким образом суд может осуществлять этот "учет". В связи с тем, что состояние опьянения ПАВ не включено в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), этот "учет" может быть только в сторону его смягчения.

Большинство стран, имеющих многолетний опыт применения категории *ограниченной вменяемости*, вносят четкие законодательные ограничения ее применения. Так, в УК Швейцарии, Финляндии, Австрии, Греции и Аргентины есть статья, уточняющая, что если психические расстройства, не исключающие вменяемость, возникли при активной роли субъекта преступления, то форма ограниченной вменяемости к нему применяться не может. Это объясняется тем, что ограниченная вменяемость рассматривается не как особая промежуточная категория между вменяемостью и невменяемостью, а является производным от вменяемости и, следовательно, обстоятельством, не освобождающим как невменяемость от уголовной ответственности, а только смягчающим ее [7]. Именно поэтому принятие решения о возможности применения к субъекту преступления категории ограниченной вменяемости должно соотноситься с изучением роли субъективного фактора (активности сознания и личности) в криминальной причинно-следственной ситуации.

Применительно к лицам, совершившим преступление в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, это означает, что развивающиеся в состоянии опьянения психические расстройства непосредственно связаны с фактором произвольности действий субъекта преступления. Однако действующий УК РФ не содержит конкретных ограничений на применение ст. 22 УК РФ, что дает возможность ее использования в отношении данной категории субъектов преступлений. В таких случаях применение ст. 22 УК РФ в сторону смягчения наказания, как это подразумевается в отношении лиц со всеми другими пограничными психическими расстройствами, не отвечает принципам уголовного права и не способствует предупреждению преступлений.

В то же время УК РФ приводит конкретный перечень обстоятельств, при констатации которых возможно смяг-

чение наказания (ст. 61 УК РФ). К ним относятся ситуации, когда преступление совершено "...вследствие случайного стечения обстоятельств" (п. "а" ч. 1 ст. 61), "...в результате физического или психического принуждения" (п. "е" ч. 1 ст. 61), "...исполнения приказа или распоряжения" (п. "ж" ч. 1 ст. 61).

В соответствии с этим при решении вопроса о возможности применения ст. 22 УК РФ в таких случаях должен проводиться тщательный анализ не только развивающихся в результате приема ПАВ психических расстройств, но и тех обстоятельств, при которых возникло состояние опьянения:

- 1) произвольность приема ПАВ, приведение в состояние опьянения насильственным путем или путем обмана;
- 2) осведомленность лица о действии употребляемого им ПАВ;
- 3) наличие или отсутствие предшествующего субъективного опыта употребления данного ПАВ;
- 4) связь приема данного ПАВ с какими-либо иными психическими расстройствами (например, компульсивное патологическое влечение, депрессивное или гипоманиакальное состояние и т.д.).

Если лицо было приведено в состояние опьянения насильственным путем или путем обмана, если оно не было осведомлено о психофизическом действии данного ПАВ, если оно не имело субъективного опыта его употребления или употребление было обусловлено атарактическими или аддиктивными механизмами, то в этих случаях возможно применение ст. 22 УК РФ, поскольку не подлежит сомнению факт, что состояние одурманивания часто лишает опьяневшее лицо способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий и руководить ими.

Если же употребление ПАВ было связано с культуральными и ситуационными факторами либо с гедонистическими мотивами и субъект преступления был хорошо осведомлен, в том числе и по собственному опыту, о возможных последствиях этого употребления, то в данном случае применение к этому лицу ст. 22 УК РФ неправо-

мерно. Однако суд вправе учитывать перечисленные выше обстоятельства, но уже как усугубляющие вину. Это представляется тем более актуальным, что на фоне роста "пьяной преступности" состояние опьянения исключено законодательством из перечня обстоятельств, усугубляющих вину субъекта преступления.

Решение экспертных вопросов с обязательным учетом причинно-следственных связей не распространяется на лиц, состояние которых в период совершения общественно опасных действий было расценено как психотическое (интоксикационный психоз, психотические формы опьянения). Это, в первую очередь, связано с тем, что возникающее в этих случаях "болезненное состояние" не является прямым результатом самого факта употребления ПАВ. В его генезе принимают участие гораздо более сложные по сравнению с простыми, неосложненными формами наркотического опьянения механизмы, в том числе и биологические. Это — качественно иное, болезненное, состояние психической деятельности, которое требует и иной категориальной судебно-психиатрической оценки.

Список литературы

1. Сербский В.П. Психиатрия. — М., 1912.
2. Фелинская Н.И. Реактивные состояния в судебно-психиатрической клинике. — М.: Медицина, 1969. — 291 с.
3. Осипов В.П. Курс общего учения о душевных болезнях. — Берлин, 1923. — 737 с.
4. Трахтеров В.С. Юридический критерий невменяемости в современном уголовном праве: Отд. оттиск // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. IV. — 1947. — 45 с.
5. Канторович Н.В. Очерки о здоровой и больной психике. Изд. 2-е, доп. и переработ. — М.: Медицина, 1965. — 164 с.
6. Тимофеев Н.Н. Современное состояние вопроса о мерах медицинского характера и некоторых необходимых поправках в действующей инструкции о порядке и применении принудительного лечения // Проблемы судебной психиатрии. — М., 1961. — Сб. IX. — С. 73—78.
7. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. — М.: Наука, 1987. — 207 с.

JUDICIAL-PSYCHIATRIC EXAMINATION OF PERSONS REFORMED CRIMINAL ACTIONS IN STATE OF ACUTE INTOXICATION BY PSYCHOACTIVE SUBSTANCES

DMITRIEVA T.B.	Academician, RAMS. Professor, Head of Serbsky National Research Center for Social and Forensic Psychiatry
IGONIN A.L.	MD. PhD. Professor, of Serbsky National Research Center for Social and Forensic Psychiatry
KLIMENKO T.V.	MD. PhD. Professor, of Serbsky National Research Center for Social and Forensic Psychiatry
PISCHICOVA L.E.	MD. PhD. senior researcher of Serbsky National Research Center for Social and Forensic Psychiatry
KULAGINA N.E.	MD. PhD. senior researcher, of Serbsky National Research Center for Social and Forensic Psychiatry

The communication is concerning on judicial-psychiatric examination, as a part of criminal process, of persons abused by psychoactive substances (drugs). The characteristics of expert estimations criterions for different kinds of non psychotic disorders revealed in structure of acute intoxication by psychoactive substances is done. The base of expert estimation of psychotic states revealed in structure of acute intoxication will be debated in one from next communications.